

Гриб В.К.

ДОБРОЕ ПОЛЕ – ПАМЯТНИК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ДОНЕЦКОГО КРЯЖА

Реферат: В один из полевых сезонов новостроечной экспедиции Донецкого государственного университета, который проходил в верховьях рек Нагольная и Тузлов (бассейн р. Миус), было обнаружено разрушаемое земляными работами поселение раннесредневекового времени. В статье дается характеристика нового памятника в контексте ранее открытых и исследованных селищ и кочевий салтово-маяцкой культуры, особенно тех, которые расположены в среднем течении р. Северский Донец. Рассмотрены аспекты использования жилых построек в виде бесстолбовых полуземлянок, сооружения при их строительстве неглубоких подбоев вдоль стен жилища и открытого очага в одном из его углов. В статье также дается характеристика керамического комплекса, который представлен амфорами “причерноморского” типа, корчагами, кувшинами, горшками и котлами с внутренними ушками. Обращает на себя внимание низкий удельный вес находок фрагментов лощеной керамики и сравнительно большое количество лепной кухонной посуды. Анализ материалов, полученных в ходе раскопок поселения, позволяет предположить, что временем его существования является середина VIII – первая четверть IX в.

Ключевые слова: Донецкий кряж, средневековье, салтово-маяцкая культура, поселение, жилище, керамика.

Abstract: During one of the field seasons of the expedition of Donetsk State University in the upper reaches of the Nagolnaia and Tuzlov rivers (basin of the Mius river), an Early Medieval settlement, which was destroying by earth works, was revealed. The characteristic of the new site in a context of earlier discovered and investigated settlements and nomads' camps of the Saltov-Maiaki culture, especially those that are situated in the middle reaches of the river Severskii Donets, has been given in the paper. Aspects of use of inhabited constructions such as pillar less semi-dugouts, making of not deep niches along the walls of a dwelling and an open hearth in one of its corners during the construction are considered. Some attention has been paid to the characteristic of a pottery that is presented by amphorae of the “Black Sea Littoral” type, earthenware pots, jugs, pots and cauldrons with internal eyes. The small amount of findings of fragments of glazed pottery and rather considerable amount of modelled kitchenware is remarkable. The analysis of the materials received during the excavation of the settlement permits to assume that its date is the mid 8th – the 1st quarter of the 9th century.

Keywords: Donetsk ridge, Middle Ages, Saltov-Maiaki culture, settlement, dwelling, pottery.

Усилиями луганских археологов и, прежде всего, К.И. Красильникова, памятники раннесредневекового времени в среднем течении Северского Донца изучены достаточно полно [Красильников 1980; 1981; 2001]. Уже в конце прошлого столетия “источниковедческая база познания праболгар Среднедонечья составляла около 490 памятников” [Красильников 1990, с. 28]. В сравнении с количеством открытых и, тем более, исследованных раскопками памятников VIII-X вв. на территории Донецкого кряжа, эта цифра впечатляет. Поэтому любой новый памятник хазарского времени открытый в степной зоне Донецкой возвышенности заслуживает внимания.

В 1981 г. новостроечная экспедиция Донецкого государственного университета производила раскопки курганов у с. Благовка Свердловского р-на Луганской обл. Как это часто бывает, полевая работа непосредственно на курганах чередовалась с археологическими разведками, маршруты которых проходили по руслам небольших степных речек и склонам безымянных балок. Именно в ходе одной из таких разведок и было открыто поселение, получившее в отчетной документации название “Доброе поле” [Моруженко и др., 1981; Гриб 1987, с. 93].

Памятник находится в 8-9 км к ЮЮВ от с. Благовка на водораздельном плато междуречья верхнего течения рек Нагольная и Тузлов, в средней части балки (рис. 1, Л). В верховьях левого и правого рукавов балки бьют родники, которые соединяются в ее средней

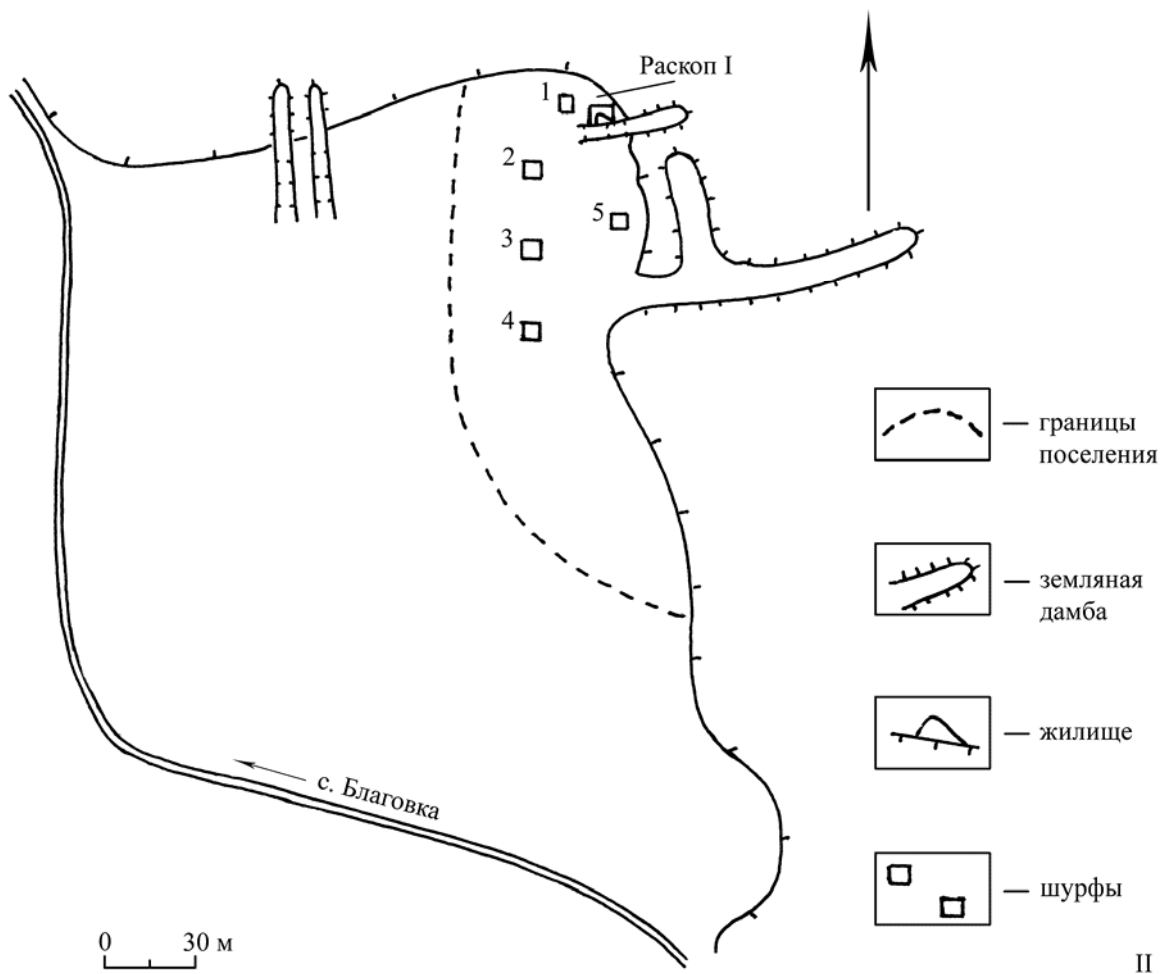
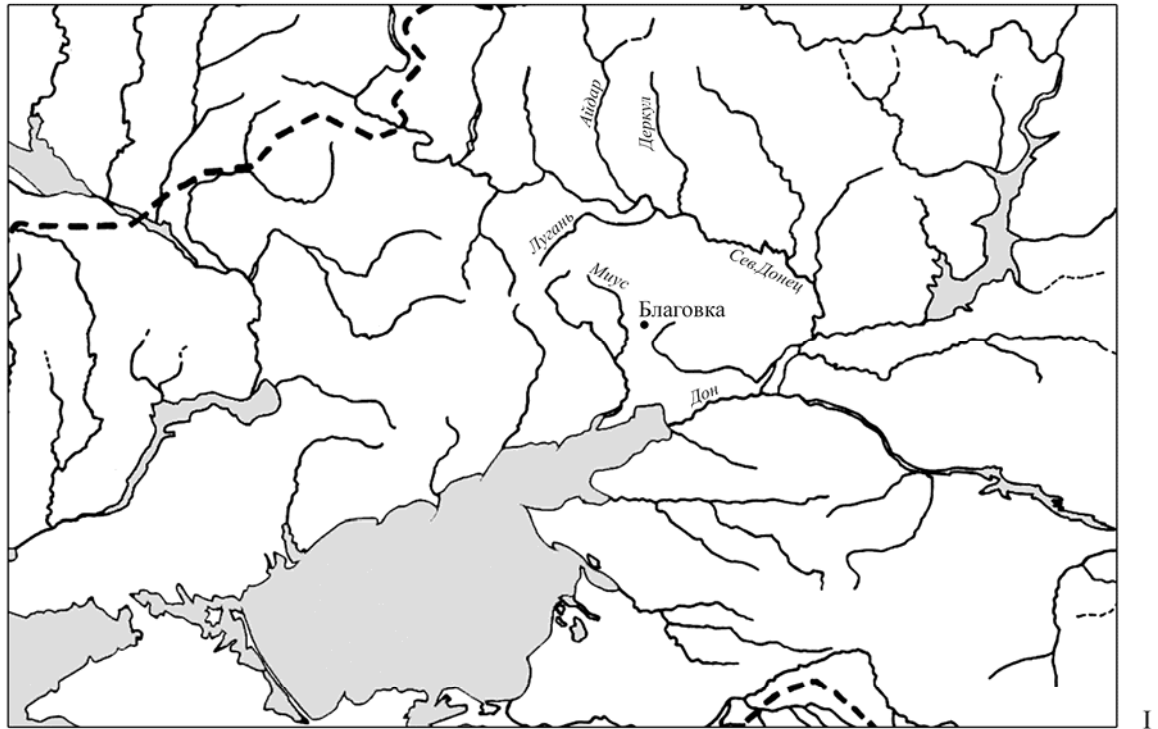

Рис. 1. Доброе поле: I – карта-схема расположения поселения у с. Благовка; II – план поселения

Fig. 1. Dobroie Pole: I – the map-scheme of location of a settlement near Blagovka village; II – the settlement layout

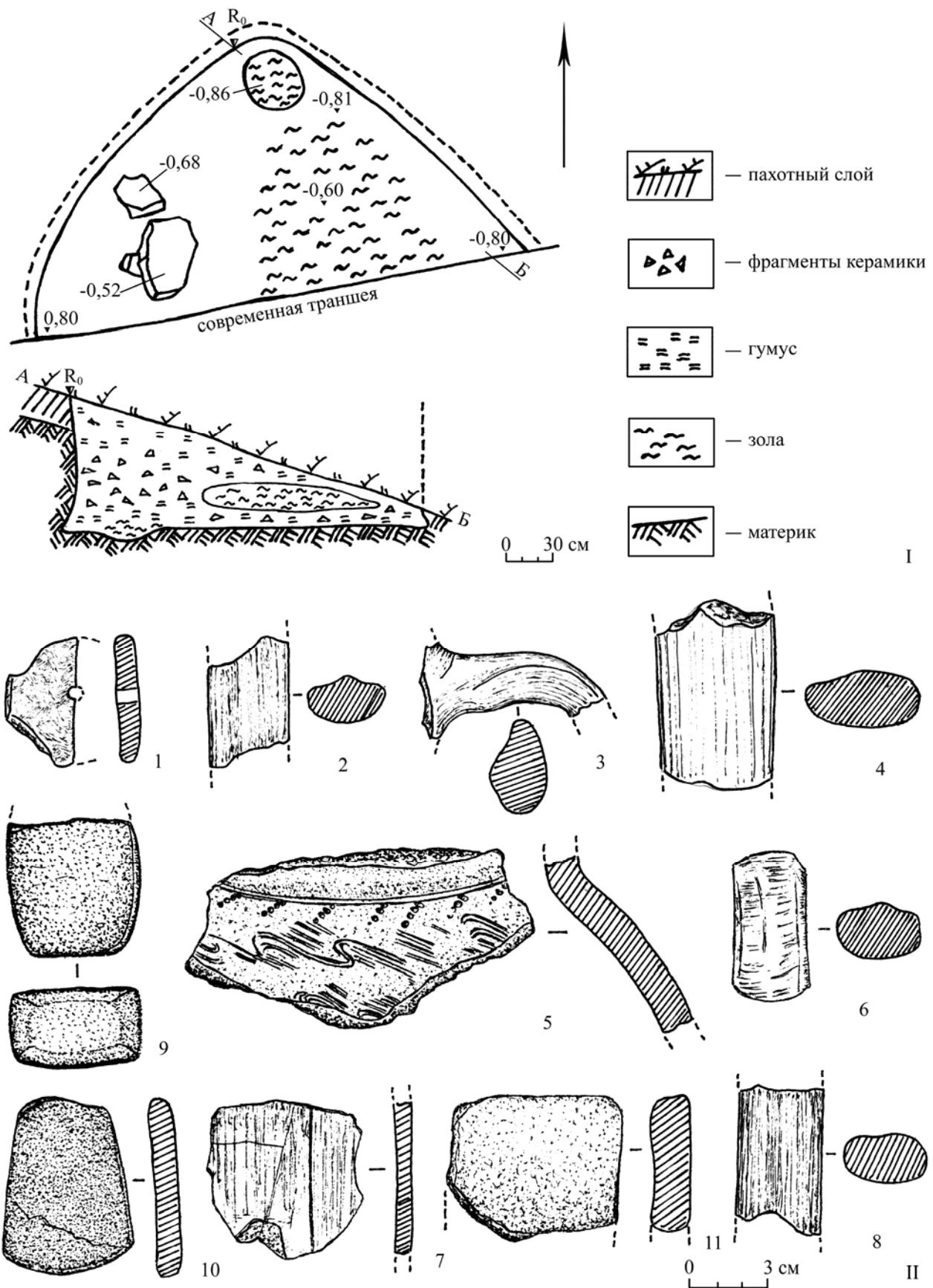

Рис. 2. Доброе поле. I – план и разрез жилища; II – подъемный материал: 1-4, 9, 11; находки из заполнения жилища: 5-8, 10 (1-8 – глина; 9-11 – камень)

Fig. 2. Dobroe Pole. I – the layout and section of a dwelling; II – the picked-up artefacts: 1-4, 9, 11; findings from filling of a dwelling: 5-8, 10 (1-8 – clay; 9-11 – stone)

части и образуют ручей, не пересыхающий даже в засушливые периоды лета. Поселение занимает мысовой участок первой надпойменной террасы, высота которой по отношению к пойме балки составляет 3-4 м. Это ровная площадка с незначительным уклоном в сторону поймы. Северная часть памятника ограничена неглубоким оврагом, образованным вследствие постепенной эрозии края террасы под воздействием сезонного стока талых и дождевых вод. Территория поселения распаивалась, но к моменту его исследования была задернована. Исходя из площади сборов подъемного материала, можно предположить, что поселение вытянуто вдоль края террасы с юга на север приблизительно на 150-200 м, а с востока на запад – не более чем на 40-60 м (рис. 1, II).

Среди немногочисленного подъемного материала необходимо выделить фрагмент пряслица, изготовленного из стенки красноглиняного кувшина, несколько фрагментов ручек амфор “причерноморского типа”, а также обломки точильных брусков подпрямоугольной формы (рис. 2, 1-4, 9, 11).

С целью более точного определения границ памятника и мощности его культурного слоя было заложено пять шурфов размером 2×2 м каждый. Выявленная в результате шурфовки стратиграфия показала, что поселение является однослойным. Ниже уровня старой распашки прослежен культурный слой – темно-коричневая гумусированная супесь мощностью от 0,7 м в западной и до 0,4-0,5 м в восточной части мыса. Материковый суглинок желтого цвета отмечен на глубине 0,9-1,0 м и 0,7-0,8 м соответственно. Количество находок, выявленных в культурном слое, было незначительным. В основном это мелкие фрагменты стенок красноглиняных и лепных сосудов темно-серого цвета, куски глиняной обмазки, кости животных.

Постоянный водосбор в балке использовался не только в хазарское, но и в новейшее время. Так, в северной части мыса сохранился фундамент и остатки стен бывшей насосной станции, а также две траншеи глубиной до 1 м. Грунт из этих траншей с помощью тяжелой техники был перемещен в пойму балки для сооружения двух земляных дамб. Такое же нарушение культурного слоя наблюдается и на восточной окраине мыса. Здесь в одной из траншей были зафиксированы контуры жилища, которое и стало объектом нашего исследования.

Жилище располагалось на самом краю мыса (рис. 1, II). Своими длинными сторонами оно было вытянуто по линии СЗ-ЮВ. Длина короткой стенки составляла 2,5 м, сохранившийся участок длинной стенки – 2,3 м. Хорошо сохранилась северо-западная часть постройки, где высота стенки достигала 0,81 м, из которых 0,62 м было углублено в материковый суглинок¹. У самого пола жилища по всему периметру его стен был прокопан подбой высотой 0,2 м и глубиной 0,1-0,15 м (рис. 2, I). В северном углу размещался открытый очаг, который был углублен в материк на 0,05 м и имел тарелкообразную форму 0,4-0,42 м в диаметре. Он был заполнен золой и пережженными костями животных. Пол постройки представлял собой относительно ровную хорошо утоптанную площадку, покрытую пятнами черной сажки. На глубине 0,52 м и 0,68 м находилось два камня средних размеров, а на глубине 0,3 м – слой золы толщиной до 0,12 м. В целом заполнение жилища представляло собой рыхлую гумусированную супесь темно-серого цвета, которая сформировалась за счет попадания в слой большого количества золы, фрагментов керамики и костей животных. Все это позволяет предположить, что на каком-то этапе своего функционирования жилище было покинуто его обитателями и впоследствии использовалось в качестве мусорной ямы.

Визуально это подтверждается с глубины 0,6 м. Именно с этого уровня зафиксированы два лежащих без всякой системы камня, мощная линза золы, а также большое количество

¹ Учитывая, что верхняя часть жилища была частично уничтожена в наши дни, все замеры глубин производились от условно принятой на дневной поверхности отметки (R).

фрагментов керамики и костей животных. Косвенным свидетельством в пользу нашего предположения служит находка на этом же уровне двух практически целых красноглиняных амфор и миниатюрного лепного горшочка. Всего же в заполнении жилища было найдено 193 фрагмента керамики, 1 точильный камень и 13 различных костей животных.

Топография памятника. При выборе места расположения поселения максимально были учтены все положительные факторы рельефа местности – ровная площадка мыса, удобная для застройки вширь, использование оврагов в роли своеобразных природных рвов, постоянный и удобный доступ к воде не только жителей поселка, но и домашних животных, близость пойменных лугов, используемых в качестве пастбищ фактически круглогодично. Согласно предложенной К.И. Красильниковым типологии поселений Подонцовья, памятники, расположенные на склонах первой надпойменной террасы и используемые населением раннего средневековья в качестве долговременных стойбищ, относятся к первой группе [Красильников 1981, с. 110-111].

Жилище. При исследовании постройки, обнаруженной на поселении Доброе поле, каких-либо следов от деревянных конструкций нами обнаружено не было. Поэтому данное помещение с большой долей вероятности можно отнести к бесстолбовым жилищам полуземляночного типа, которые “представляют собой врезанные в землю прямоугольные в плане помещения, как правило, со скругленными углами, с хорошо утопанным полом и расположенными в них очажными углублениями с характерным для них зольно-угольным заполнением” [Белецкий 1959, с. 53]. После раскопок в Саркеле подобные жилища были найдены на всей территории распространения памятников салтово-маяцкой культуры и не раз рассматривались в работах, посвященных созданию типологии жилых конструкций этой культурно-исторической общности [Ляпушкин 1958а, с. 98-100; Плетнева 1967, с. 58-61; Нечаева 1975, с. 30-32; Плетнева 1989, с. 35-39; Флеров 1996, с. 49-60; Винников, Плетнева 1998, с. 158-162; Красильникова 2001, с. 325-328].

Верхняя северо-западная часть жилища, открытого на поселении Доброе поле, была углублена в грунт на 0,81 м, из них большая часть (0,62 м) – непосредственно в материк². Она имела прямоугольную форму со скругленными углами. При этом ее ширина составляла 2,5-2,6 м, а реконструируемая длинная сторона – 3,6-3,8 м. Таким образом, общая жилая площадь жилища составляла около 8-9 м². Отопительное сооружение в виде круглого открытого очага располагалось в северо-западном углу помещения. В пользу того, что данное помещение использовалось как жилое, на мой взгляд, говорит и небольшой подбой, устроенный по всему периметру вдоль его стенок.

При исследовании постройки каких-либо ямок или следов от деревянных конструкций обнаружено не было. Исследования в степном Подонцовье показали, что полуземлянки со скругленными углами, являясь переходным типом жилища от юртообразной постройки к стационарному помещению, характерны для конца VIII – начала IX в. [Красильникова 2001, с. 328]. К такому же выводу пришел и Л.Ю. Пономарев, изучавший жилые постройки на памятниках раннесредневекового времени Керченского полуострова. Опираясь не только на стратиграфические наблюдения, но и на археологический материал, он пришел к выводу, что прямоугольные полуземлянки с неукрепленными стенами характерны для салтовских памятников полуострова в середине – второй половине VIII в. К середине IX в. большинство

² Исследуемое жилище было расположено на самом краю первой надпойменной террасы. При этом его северо-западная часть была углублена в грунт гораздо больше, чем юго-восточная. Подобная конструктивная деталь создает впечатление, что перед нами жилище, одна половина которого “врезана” в склон мыса, а другая при этом находится на поверхности. Подобное расположение жилищ на склонах холмов или на пологих участках мысовых площадок – строительный прием хорошо известный в лесостепной части Хазарии. Это позволило С.А. Плетневой выделить их в отдельный тип полуназемных жилищ [Плетнева 1989, с. 32-35]. В случае с жилищем на поселении Доброе поле перепад высот в противоположных частях постройки образовался за счет смещения верхней части культурного слоя при строительстве земляной дамбы.

полуземлянок было заброшено [Пономарев 2012, с. 93; 2014, с. 143]. По-видимому, именно в это время процесс оседания бывших кочевников на землю достиг значительных масштабов, и большая часть вчерашнего кочевого населения степей стала отдавать предпочтение квадратным и прямоугольным полуземлянкам с опорно-столбовыми конструкциями, как наиболее удобным сооружениям “для длительного проживания в степной зоне в любое время года” [Красильников 2001, с. 305].

Подбой вдоль стенок жилища. Подобные подбои – относительно редкая конструктивная особенность жилищ-полуземлянок. Мне они известны в одном из жилищ Дмитриевского селища [Плетнева 1967, с. 60, рис. 13, 5] и в жилище № 2 поселения салтовской культуры у с. Жовтневое Харьковской обл. [Пархоменко 1985, с. 87-88]. Можно согласиться с мнением С.А. Плетневой, которая считала подбой вдоль стен полуземлянки “своеобразным обширным стенным шкафом для хранения продуктов и вещей владельца жилища” [Плетнева 1967, с. 59]. На мой взгляд, следует различать ниши в стенках жилищ и подбои. Первые представляют собой чаще всего относительно глубокую выемку в стенке жилища, но одновременно с этим ограниченную по длине и ширине. Вторые устраивались по всему периметру стен жилища и врезались в стены на небольшую глубину.

Наличие подобных подбоев, на мой взгляд, является явным признаком жилого помещения, стены которого не имели дополнительной деревянной или плетневой конструкции.

Очаг. Зафиксированный в жилище очаг относится к традиционным отопительным сооружениям, характерным для народов, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни. Расположенный в северо-западном углу жилища он, по классификации Л.И. Красильниковой, относится к I типу отопительных сооружений, которые располагались в тарелкообразных углублениях от 3-5 до 10-12 см ниже уровня пола [Красильникова 2003, с. 50]. По мере усиления процесса седентаризации, менялось и жилище еще вчерашних кочевников. При этом отопительное приспособление жилых помещений все больше смещалось от центра вглубь жилища, занимая небольшой по площади участок, как правило, у дальней относительно входа стенки. Тем самым увеличивалась полезная площадь небольшого (около 8-9 м²), как в нашем случае, жилища.

Керамика. Всего в исследованной части жилища найдено 193 фрагмента керамики, маленький лепной сосудик и две практически целые амфоры. Распределение керамики по глубинам их залегания и функциональному назначению приведены в табл. 1:

Табл. 1. Доброе поле. Распределение керамики в заполнении жилища по глубинам и функциональному назначению

Глубина (м)	Тарная (фр.)			Столовая (фр.)		Кухонная (фр.)	
	Амфоры		Корчага	Кувшины		Котлы	Горшки*
	Красногл.	Желтогл.		Серолощ.	Чернолощ.		
-0,2	6	2		4			13
-0,4	19			1		41	52
-0,6	8 **	14	6			17	7
-0,8					1	2	
Итого (фр-тов)	33 (17,1%)	16 (8,3%)	6 (3,1%)	5 (2,6%)	1 (0,5%)	60 (31,1%)	72 (37,3%)

*Необходимо отметить, что по составу теста и способу изготовления фрагменты стенок горшков и котлов с внутренними ушками трудно различимы.

**На глубине -0,6 м были найдены крупные фрагменты двух амфор, что позволило провести их частичную реконструкцию.

Вся найденная керамика традиционно делится на тарную, кухонную и столовую. К тарной керамике относятся, прежде всего, фрагменты красноглиняных (17,1%) и желтоглиняных (8,3%) амфор, а также две амфоры, профили которых удалось реконструировать практически полностью (рис. 3, 1-2). Обе амфоры изготовлены из плотного красноглиняного теста без видимых примесей. Они имеют удлиненное суживающееся книзу тулово с округлым дном. Поверхность покрыта слабо выраженным рифлением. Горло одной из амфор (рис. 3, 1)³ немного расширяется книзу. От тулова к венчику вертикально поднимаются две ручки, имеющие продольное ребро. Венчик у этой амфоры валикообразный. Высота сосуда – 52 см.

По классификации А.Л. Якобсона, данные сосуды относятся к первому варианту амфор “причерноморского типа” [Якобсон 1979, с. 29-30, рис. 12, 1-6], которые хорошо известны в материалах гончарных центров Таврики, где они и производились [Паршина и др. 2001, с. 57, рис. 10, с. 76]. Являясь надежным хронологическим маркером для периода VIII-IX вв., они хорошо известны на многих памятниках салтово-маяцкой археологической культуры – от самых северных в лесостепи до самых южных в Крыму [Михеев 1985, с. 85; Кравченко 2011, с. 72, рис. 2; Масловский 2011, с. 75; Нидзельницкая, Кулаков 2013, с. 24].

В жилище были найдены не только фрагменты красноглиняных, но и желтоглиняных амфор, поверхность которых была покрыта темно-коричневым ангобом. В их тесте заметны примеси мелких камешков кварца. На поверхности одного из этих фрагментов острым инструментом прочерчены граффити: одно саблевидной формы, другое в виде креста (рис. 3, 4).

К категории тарной керамики относятся и фрагменты корчаги, изготовленной на ручном гончарном круге (рис. 4, 3). Были найдены крупные фрагменты дна и стенок одного сосуда (3,1%), что позволило реконструировать его большую часть. Его высота – 48-50 см, диаметр дна – 15-16 см, толщина дна – 1,2 см, толщина стенок в верхней части – 1 см, в придонной – 1,2-1,4 см. Тулово корчаги вытянуто кверху, поверхность – темно-коричневого цвета. Под венчиком и в верхней части сосуда мелким зубчатым штампом нанесен волнообразный орнамент. Ниже его и до самого дна – орнамент в виде сплошных горизонтальных линий. В тесте сосуда заметны значительные примеси отошителей в виде дробленой ракушки и мелкого шамота.

Наиболее близкие аналогии найденной корчаге мы встречаем на памятниках Степного Подонцовья [Krasilnikov 1990, S. 237, Taf. 19, 1-2; S. 238, Taf. 20, 1-2;], в среднем течении Северского Донца [Михеев 1985, с. 124, рис. 15, 13-14; Кравченко, Давыденко 2001, с. 269, рис. 19, 1; Кравченко и др. 2005а, с. 319, рис. 34, 1-3], в Нижнем Подонье [Ляпушкин 1958б, с. 274, рис. 12, с. 293, рис. 36].

Исследования в Среднем Подонцовье позволили К.И. Красильникову сделать вывод, что на раннесредневековых памятниках этого региона второй по количеству и значимости после кухонной посуды была лощеная керамика [Красильников 2001, с. 314]. Тем не менее, в заполнении жилища она была представлена в наименьшем количестве (табл. 1) – всего 6 фрагментов, из которых 5 (2,6%) относятся к серолощеным и 1 (0,5%) – к чернолощеным сосудам. Судя по толщине стенок, которая не превышала 0,5 см, это были одноручные кувшины. Поверхность некоторых фрагментов, кроме сплошного лощения, была украшена пролощеными вертикальными линиями (рис. 2, 7). Репрезентативный ряд подобной керамики достаточно полно представлен в памятниках салтово-маяцкой культуры [Флеров 1981, с. 172, рис. 2; Красильников 2001, с. 314, с. 315, рис. 8].

Наиболее многочисленную категорию керамики из раскопок жилища составляет т.н. кухонная посуда (табл. 1). В материалах поселения Доброе поле она представлена лепными горшками и котлами с внутренними ушками. Возможно, что некоторые из них, особенно это относится к горшкам, подправлены на ручном гончарном круге.

³ В настоящее время амфора хранится в фондах Мариупольского краеведческого музея.

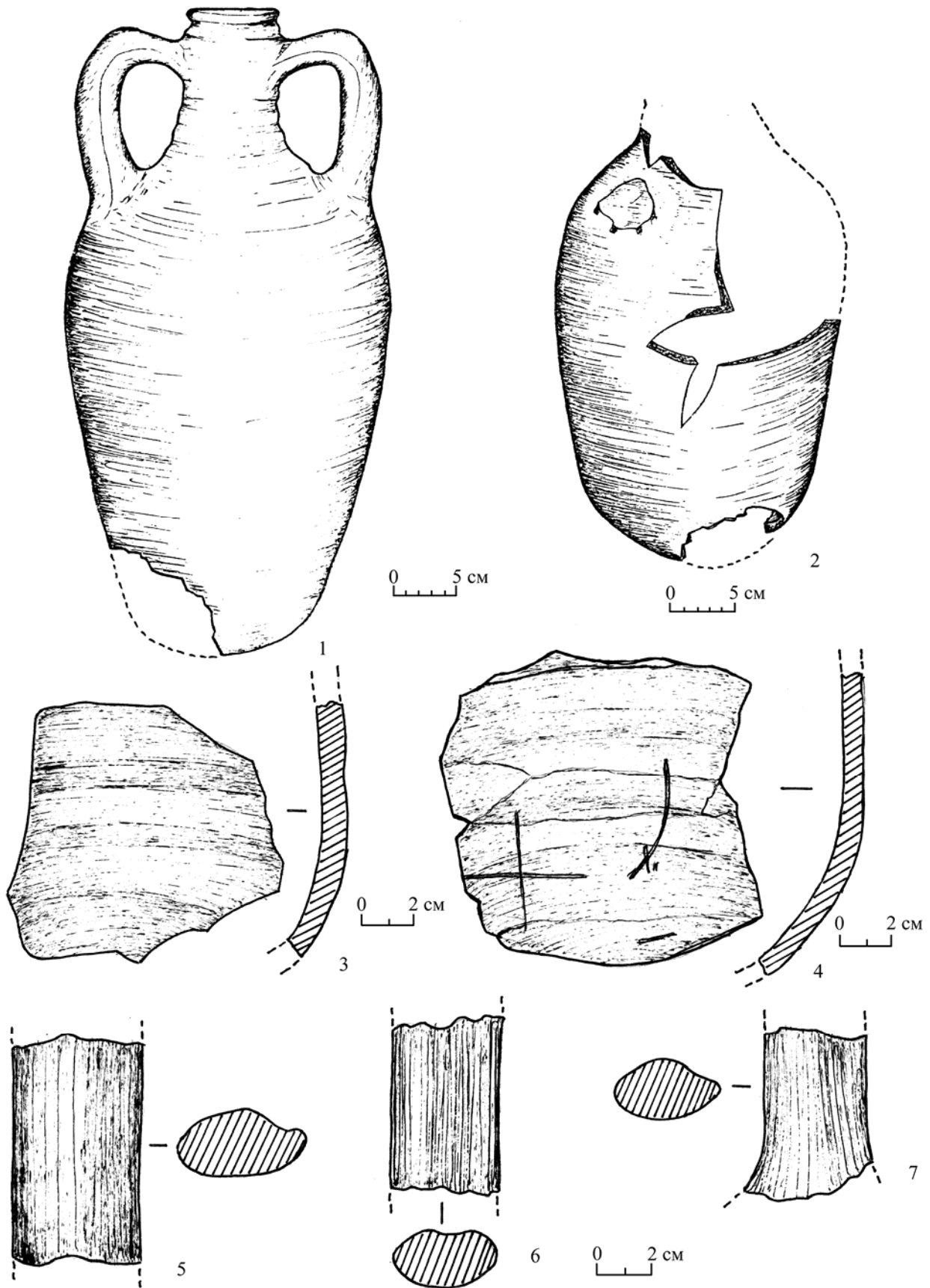

Рис. 3. Доброе поле: 1-7 – амфоры и фрагменты амфор из заполнения жилища

Fig. 3. Dobroie Pole: 1-7 – the amphorae and fragments of amphorae from filling of a dwelling

Основная часть фрагментов кухонной керамики (37,3%) – это стенки горшков. Как правило, они черного или серого цвета, в их тесте заметны большие примеси отощителей, в качестве которых использовались крупнозернистый речной песок и дробленая ракушка. Удалось восстановить форму двух горшков (рис. 4, 1-2), которые были подправлены на ручном гончарном круге. Благодаря этому горшки приобрели вытянутую вверх форму (яйцевидную). Высота одного из них 27 см, другого – 19 см. Диаметр дна 11 см и 8,5 см соответственно. Меньший из сосудов имел небольшую придонную закраину (рис. 4, 2). Поверхность обоих горшков была заглажена и не носила никаких следов орнамента.

В слоях раннесредневековых поселений Среднедонецья кухонная керамика составляет 50% от общего числа керамического комплекса [Красильников 1999, с. 171]. Справедливости ради, следует отметить, что большинство горшков с этой территории имеют приземистую форму. Более стройные пропорции у них, по мнению К.И. Красильникова, намечаются со второй половины IX в. [Красильников 2001, с. 312, 313, рис. 7, 6-8]. Яйцевидные, с небольшим дном и слабо отогнутым венчиком горшки – частая находка в регионах, где были зафиксированы памятники салтовской культуры [Плетнева 1967, с. 110, 111, рис. 26].

К кухонной посуде относится и миниатюрный лепной горшочек, изготовленный из того же теста, что и горшки обычных размеров (рис. 4, 6). Высота горшочка не превышала 5-5,5 см, диаметр венчика – 5 см. По своим морфологическим признакам он является миниатюрной копией обычных горшков, хорошо известных в керамических комплексах салтовской культуры. К.И. Красильников относит подобные изделия к игрушкам и считает, что лепились они исключительно детьми [Красильников 2001, с. 312; 1999, с. 173].

В последнее время находки миниатюрных лепных горшков на памятниках салтовской культуры участились. Десять (!) таких сосудов найдены при исследовании Сидоровского городища [Кравченко 2005б, с. 161; 2011, с. 67, с. 68, рис. 1, 8], один – в хозяйственной яме поселения Мартыново I [Нидзельницкая, Кулаков 2013, с. 37, рис. 19, 2], еще один – в раннесредневековом слое Недвиговского поселения [Нидзельницкая, Ильяшенко 2007, с. 201, рис. 11]. Известны они и в погребениях т.н. “сельских могильников” раннесредневекового населения: один горшочек найден в погребении подростка могильника у с. Новодачное [Красильникова, Красильников 2003, с. 309, с. 310, рис. 3, 3], лепной баночный сосудик обнаружен в п. 5 могильника Серебрянское [Швецов и др. 2001, с. 338, 339, табл. II, 15], несколько сосудов найдено в погребениях Зливкинского могильника⁴.

Опираясь на вывод С.А. Плетневой о том, что лепные горшочки часто находят в детских захоронениях, В.С. Флеров предположил, что в этом случае они выступают “как знак связи ребенка с семьей, с предками” [Флеров 2009, с. 480]. Исходя из этого, логично предположить, что и лепиться они должны в семейном кругу у домашнего очага. Однако факт находки в гончарной мастерской Сидоровского городища маленького лепного сосуда с клеймом на доннышке позволил Э.Е. Кравченко сделать вывод, что “и лепные сосудики, обнаруженные на памятнике, могли изготавливаться гончарами, а не являться продуктами домашнего производства” [Кравченко 2005б, с. 161].

Завершает обзор кухонной керамики, обнаруженной в заполнении жилища, характеристика котлов с внутренними ушками, находки которых в керамическом комплексе жилища составляли 31,1% (табл. 1). Все найденные фрагменты относятся к котлам, изготовленным лепным способом (рис. 4, 4-5; рис. 5, 1, 2, 4), за исключением одного крупного фрагмента венчика, который, по-видимому, был подправлен на ручном гончарном круге (рис. 5, 3). Глина, из которой были изготовлены котлы – рыхлая, с большими примесями крупнозернистого речного песка и дробленой ракушки. В изломе – тесто черного цвета. Поверхность котлов черного или темно-коричневого цвета. Толщина стенок и

⁴ Устная информация М.Л. Швецова, за которую автор выражает ему искреннюю признательность.

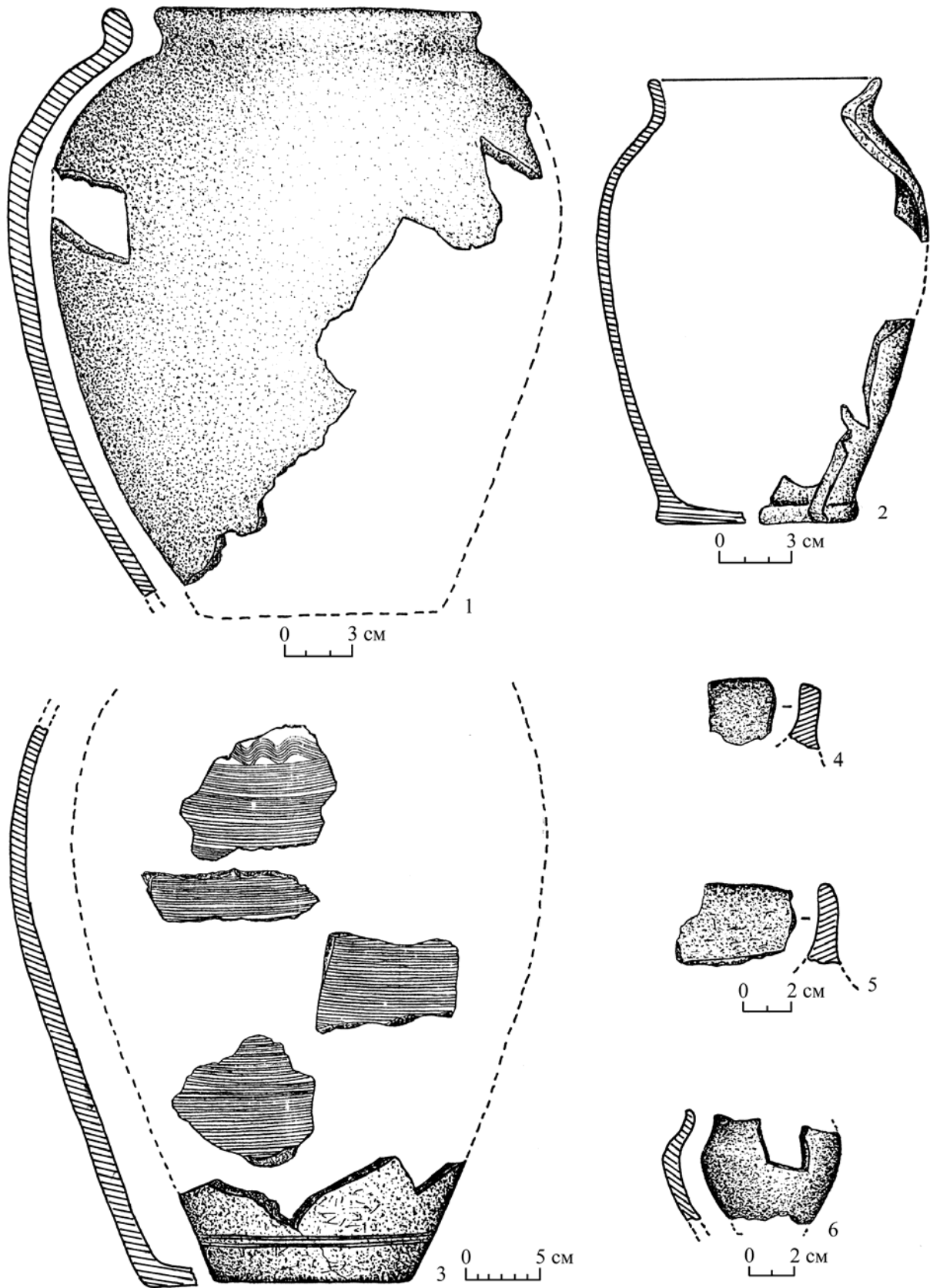

Рис. 4. Доброе поле. Находки из заполнения жилища: 1-2 – горшки; 3 – корчага; 4-5 – фрагменты венчиков котлов с внутренними ушками; 6 – миниатюрный горшочек

Fig. 4. Dobroie Pole. Findings from filling of a dwelling: 1-2 – pots; 3 – an earthenware pot; 4-5 – fragments of rims of cauldrons with internal eyes; 6 – a tiny pot

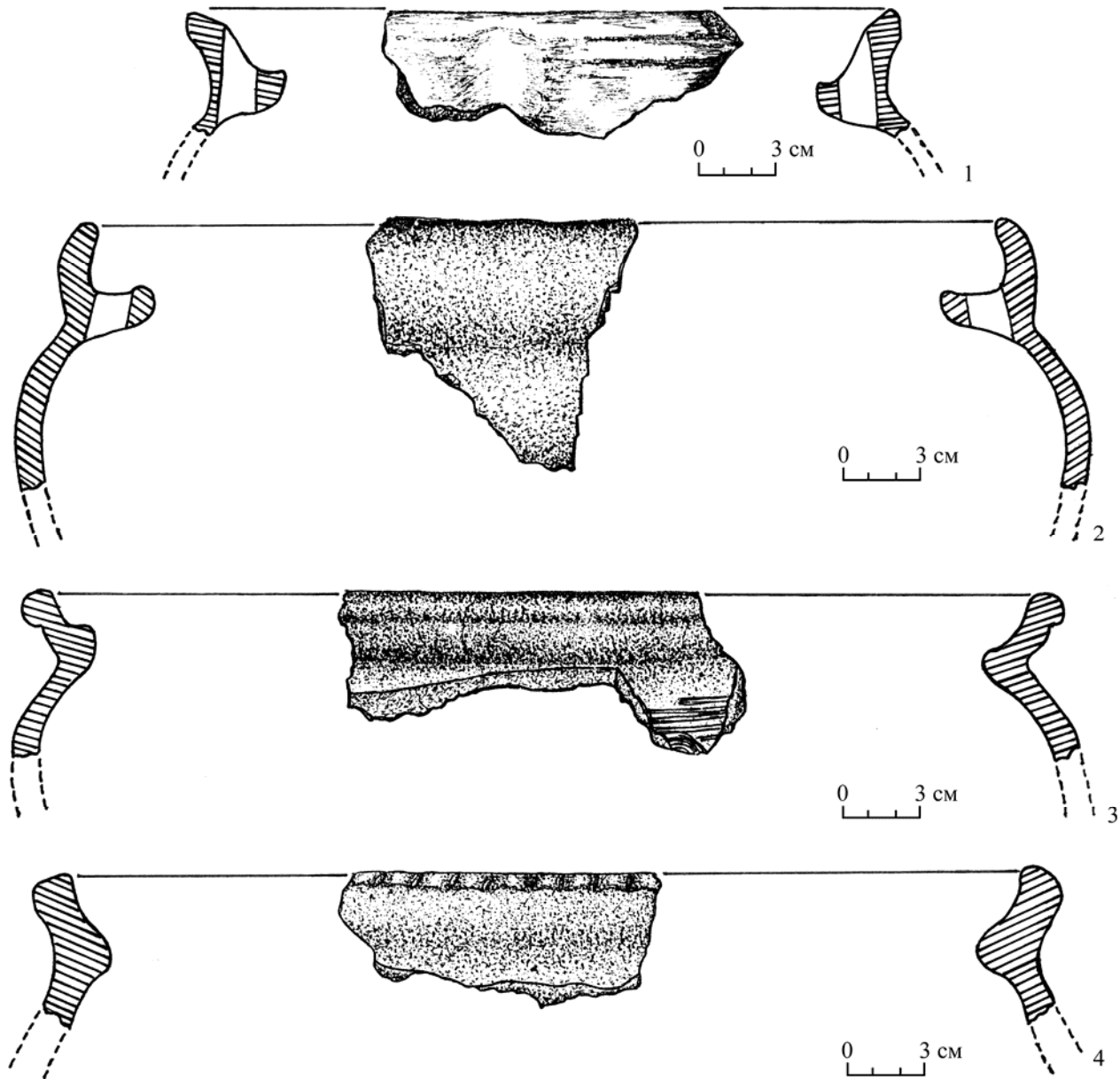

Рис. 5. Доброе поле: 1-4 – фрагменты венчиков котлов с внутренними ушками из заполнения жилища
Fig. 5. Dobroie Pole: 1-4 – fragments of rims of cauldrons with internal eyes from filling of a dwelling

бортиков – от 0,7 см до 1 см. Тулово некоторых котлов, особенно в их верхней части, украшено орнаментом в виде волнообразных линий, нанесенных с помощью мелкозубчатого штампа (рис. 2, 5), прямых горизонтальных линий (рис. 5, 3) и наколами штампа.

Внутри котлов расположены налепы-“ушки” полуовальной формы с отверстиями. Размеры и форма налепов с выемкой посередине указывает на то, что отверстия были парными. Степень приподнятости “ушек” различна. Бортик, у найденных в заполнении жилища котлов, также имеет различную форму – от прямого (рис. 4, 4-5; рис. 5, 1, 4) или немного отогнутого наружу (рис. 5, 3) до загнутого внутрь (рис. 5, 2). Верхний край венчика одного из котлов украшен глубокими косыми насечками (рис. 5, 4).

Благодаря крупным размерам фрагментов удалось реконструировать диаметр венчиков котлов, который составил 28 см, 36 см, 38 см, 39 см, а также диаметр тулова – 31 см, 42 см,

42 см, 39 см соответственно (рис. 5, 1-4). Сказать что-либо о высоте котлов и, главное, о форме дна не предоставляется возможным.

Исследования последних лет только лишний раз подтвердили, что котлы с внутренними ушками имеют большие различия, как по техническим, так и по морфологическим параметрам [Лопан 2007, с. 243-259]. О том, что они имеют обширную географию, было известно и раньше, но границы распространения котлов, рассматриваемых в данной работе, были определены еще в 1967 г. С.А. Плетневой, которая отмечала: “Территория распространения котлов очень ограничена: Саркел, Правобережное городище, Карнаухово, поселения вдоль северного берега Таганрогского залива, Фанагория” [Плетнева 1967, с. 109]. Говоря иными словами – это территория Нижнего Подонья, а также Северное и Восточное Приазовье. Сегодня к этому перечню можно, пожалуй, добавить территорию Восточного Крыма и Северного Кавказа. Именно на этих территориях получили наибольшее распространение котлы с внутренними ушками, подобные тем, которые рассматриваются в данной работе. Можно еще упомянуть территорию среднего течения Северского Донца и верховьев Дона, где известны находки рассматриваемой категории посуды, но при этом нужно признать, что там эти находки относятся к разряду единичных [Винников, Плетнева 1998, с. 153; Колода 2001, с. 225; Кравченко 2001, с. 246] и считаются инфильтрованными в местную среду.

Большинство котлов, найденных на памятниках Среднедонечья, датируются второй половиной VIII – первой четвертью IX в. [Krasilnikov 1990, S. 216-217, 243, Taf. 25, 1-6, S. 244, Taf. 26, 1-4; 2001, с. 314]. На фоне общего количества найденной здесь керамики котлы составляют лишь 0,1-2% [Красильников 2001, с. 312]. А ведь эти памятники (Подгаевка, Новолимаревка, Рогалик и др.) расположены всего в 100-150 км к СВ от поселения Доброе поле, где количество фрагментов котлов с внутренними ушками составило 31,1% от общего количества керамики (табл. 1). По-видимому, количество находок котлов с внутренними ушками возрастает по мере приближения к центральной части Донецкого Кряжа, Приазовской низменности и Нижнему Подонью. Во всяком случае, об этом свидетельствуют работы археологов, которые давно уже стали классикой [Артамонов 1935, с. 37-39; Ляпушкин 1958, с. 306-307], материалы разведок и раскопок автора и М.Л. Швецова в Северо-Восточном Приазовье [Гриб, Швецов 1988, с. 10-12], а также исследования ростовских коллег, опубликованные в многочисленных региональных изданиях [Ларенок, Ларенок 1998, с. 118-121; Киселева 2011, с. 41; Масловский 2011, с. 76, 77, рис. 1, 1,4; Белинский, Кулаков 2013, с. 144, 150-156; Нидзельницкая, Кулаков 2013, с. 29-34].

Участвуя в полемике относительно этномаркирующих признаков болгар, Г.Е. Афанасьев высказал мнение, что: “В ареале степного варианта **салтово-маяцкой культуры** [выделено мною – *В.Г.*], который связывается с булгарами/псевдобулгарами, фрагменты котлов с внутренними ручками-ушками встречаются редко” [Афанасьев 2013, с. 15]. С этим трудно не согласиться, особенно если вспомнить, что писал М.И. Артамонов после более внимательного изучения памятников раннесредневекового времени, расположенных в Нижнем Подонье и на побережье Азовского моря: “Отличия, свойственные керамике Золотой Косы, дают основание считать ее каким-то **местным видоизменением** керамики салтовско-кавказского типа **с особым районом распространения** [выделено мною – *В.Г.*], протяжение которого сейчас указать невозможно, но который, несомненно, захватил часть Северного Кавказа и, возможно, судя по некоторым намекам, простирался вдоль Азовско-Черноморского побережья вплоть до Болгарии” [Артамонов 1935, с. 41]. И даже почти через 30 лет классик не только не отказался от идеи некоторой “обособленности” памятников с явным признаком “количественного преобладания сосудов с внутренними ушками над другими видами керамики, найденными вместе с ними” [Артамонов 1935, с. 38-39], но и выделил внутри салтово-маяцкой культуры нижнедонской вариант, специфические признаки которого он видел в котлах с внутренними ушками и в овальных юртообразных жилищах [Артамонов 1962, с. 315].

Остеологический материал. Обнаруженные в заполнении жилища кости животных принадлежали трем особям лошадей: одна особь была старше 4 лет, вторая в возрасте 3-4 года и третья – до 1 года⁵. Работа с остеологическим материалом была усложнена значительной степенью раздробленности костей. Сколы на крупных экземплярах и следы режущих предметов на мелких, свидетельствуют, что перед нами кухонные отходы, оставшиеся после приготовления пищи.

Анализ материалов, полученных в ходе незначительных по площади раскопок на поселении Доброе поле, и особенно его керамического комплекса, позволяет предположить, что временем существования этого памятника является середина VIII – первая четверть IX в. Это было одно из сотен поселений раннесредневекового населения, этническую принадлежность которого нам еще предстоит выяснить. Наиболее вероятным этносом, проживавшим в это время на территории Северо-Восточного Приазовья, были болгары. Однако в решении этой проблемы еще и сегодня вопросов гораздо больше чем ответов.

Гриб В.К.

ДОБРЕ ПОЛЕ – ПАМ'ЯТКА РАНЬОСЕРЕДНЬОВІЧНОГО ЧАСУ З ПІВНІЧНО-СХІДНОЇ ЧАСТИНИ ДОНЕЦЬКОГО КРЯЖУ

У статті аналізуються дані й матеріал, який стосується або походить з поселення Добре поле, а саме: топографія розташування пам'ятки, житлова напівземлянка, опалювальний пристрій житла, деякі конструктивні прийоми, використані при спорудженні помешкання, керамічний комплекс, остеологічний матеріал. Автор розглядає особливості житлобудування та складу керамічного комплексу, які були притаманні степовому населенню Хазарського каганату. При цьому звертається увага на деякі риси, що відрізняють матеріали селища від загального масиву ранньосередньовічних пам'яток середньої течії Сіверського Дінця. Насамперед це неглибокий підбій уздовж стін житлового приміщення, незначна кількість фрагментів посуду з лискованою поверхнею і досить великий відсоток знахідок фрагментів ліпних горщиків та казанів з внутрішніми вушками. Автор не виключає, що кількість такої категорії знахідок, як фрагменти ліпних казанів на пам'ятках, розташованих на Донецькій височині та Приазовській низовині, більша, ніж на селищах Середньодонеччя. Підтверджують таку тезу розвідки та дослідження автора на теренах Північно-Східного Приазов'я. Аналіз матеріалів із селища Добре поле, дозволив припустити віднести пам'ятку до середини VIII – першої чверті IX ст.

Ключові слова: Донецький кряж, середньовіччя, салтово-маяцька культура, поселення, житло, напівземлянка, кераміка.

Grib V.K.

DOBROIE POLE – THE EARLY MEDIEVAL SITE AT THE NORTH-EASTERN PART OF THE DONETSK RIDGE

The materials and artefacts which concern to or were found at the Dobroie Pole settlement, i.e. a topography of the site; a dwelling in the form of a semi-dugout; a heating system of the dwelling; some structural features used during the construction; a pottery; bones have been analysed in the paper. The author investigates the features of dwellings construction and structure of pottery which were characteristic of the steppe population of the Khazarian Qağanate. Thus he pays attention to some features which distinguish the materials of the settlement from the common corpus of the monuments situated at the medium reaches of the Severskii Donets river. First of all, this is a not deep niche along the walls of a semi-dugout, insignificant quantity of glazed pottery and rather big number of finds of fragments of modelled pots and cauldrons with internal eyes. The author makes an assumption that quantity of such pottery on the sites of the Donetsk elevation and Azov Sea lowland is bigger than that of the sites at the medium reaches of the Severskii Donets

⁵ Работа с остеологическим материалом была проведена Ю.Я. Мягковой, к.б.н., доцентом кафедры генетики Академии биологии и биотехнологий ЮФУ (Ростов-на-Дону), за что автор выражает ей свою искреннюю признательность.

river. This hypothesis is confirmed by the author's explorations and investigations on territory of the North-eastern Azov Sea Littoral. The analysis of the materials received during the excavation of the Dobroie Pole settlement permits to assume that it is dated back to the mid 8th – the 1st quarter of the 9th century.

Keywords: Donetsk ridge, Middle Ages, Saltov-Maiaki culture, settlement, dwelling, pottery.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону по материалам Северо-Кавказской экспедиции / М.И. Артамонов // ИГАИМК. – Л.: Гос. социально-экономическое из-во. Ленинградское отделение, 1935. – Вып. 131. – 118 с.

Артамонов М.И. История хазар / М.И. Артамонов. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 524 с.

Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? / Г.Е. Афанасьев // РА. – № 3. – С. 13-25.

Белинский И.В. Средневековый слой поселения Октябрьское I / И.В. Белинский, А.А. Кулаков // Хазарские древности. – 2013. – Вып. 1. – С. 141-162.

Белецкий В.Д. Жилища Саркела – Белой Вежи / В.Д. Белецкий // МИА. – 1959. – № 75. – С. 40-134.

Винников А.З. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А.З. Винников, С.А. Плетнева. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1998. – 216 с.

Гриб В.К. О населении Северо-Восточного Приазовья в VIII-IX вв. (к постановке вопроса) / В.К. Гриб // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: тез. докл. научно-практич. семинара. – Донецк, 1987. – С. 92-93.

Гриб В.К. Итоги работ раннесредневековой Донецкой экспедиции / В.К. Гриб, М.Л. Швецов // Организация археологических экспедиций с участием школьников: Тез. докл. обл. семинара. – Донецк. – С. 10-12.

Киселева О.А. Археологическая разведка в нижнем течении р. Керчик Усть-Донецкого района Ростовской области / О.А. Киселева // ИАИАИАНД в 2009 г. – Вып. 25. – Азов: Азовский музей-заповедник, 2011. – С. 39-43.

Колода В.В. Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина) / В.В. Колода // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. – С. 219-232.

Кравченко Э.Е. Сидоровское городище / Э.Е. Кравченко, В.В. Давыденко // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. – С. 233-302.

Кравченко Э.Е. Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиции 2001-2003 гг.) / [Э.Е. Кравченко, В.В. Мирошниченко, А.Н. Петренко, В.В. Давыденко] // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 4. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005а. – С. 261-356.

Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время / Э.Е. Кравченко // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 4. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005б. – С. 153-186.

Кравченко Э.Е. Керамика Сидоровского археологического комплекса / Э.Е. Кравченко // Керамика Хазарского каганата (VII-X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье: тез. Междунар. науч. семинар – Ялта, 2011. – С. 66-79.

Красильников К.И. Население Среднедонечья в VIII – начале X веков (салтово-маяцкая культура на среднем Донце): автореф. дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.06. – “Археология” / Институт археологии АН СССР. – М., 1980. – 23 с.

Красильников К.И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья / К.И. Красильников // СА. – 1981. – № 4. – С. 110-125.

Красильников К.И. О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднедонечья / К.И. Красильников // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 28-43.

Красильников К.И. Кухонна керамика та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцкої культури Середньодонеччя / К.И. Красильников // Vita antiqua. – № 2. – К.: Есе, 1999. – С. 170-177.

Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII – нач. X в. / К.И. Красильников // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. – С. 303-322.

Красильникова Л.И. Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях степного Среднедонечья VIII – нач. X в. / Л.И. Красильникова // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. – С. 323-332.

- Красильникова Л.И.** Вогнища і печі в спорудах хозарського часу зі степового Подінців'я / Л.И. Красильникова // Археологія. – 2003. – № 2. – С. 47-60.
- Красильникова Л.И.** Новые материалы из раскопок у пос. Новодачное на р. Лугань / Л.И. Красильникова, К.И. Красильников // МИАВУ. – № 1. – Луганск: Изд-во ВУНУ, 2003. – С. 305-319.
- Ларенок В.А.** Охранные раскопки поселения Ломакин-IV / В.А. Ларенок, П.А. Ларенок // ИАИАНД в 1995-1997 гг. – Вып. 15. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. – С. 118-121.
- Лопан О.В.** Средневековые глиняные подвесные котлы с внутренними ручками-ушками / О.В. Лопан // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. – М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2007. – Вып. 2. – С. 240-311.
- Ляпушкин И.И.** Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона / И.И. Ляпушкин // МИА. – 1958а. – № 62. – С. 85-150.
- Ляпушкин И.И.** Карнауховское поселение / И.И. Ляпушкин // МИА. – 1958б. – № 62. – С. 263-314.
- Масловский А.Н.** Керамический комплекс памятников салтово-маяцкой культуры левобережья низовьев Дона / А.Н. Масловский // Керамика Хазарского каганата (VII-X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья Поволжье: тез. Междунар. науч. семинар. – Ялта, 2011. – С. 74-79.
- Михеев В.К.** Подонье в составе Хазарского каганата / В.К. Михеев. – Харьков: Вища школа, 1985. – 147 с.
- Моруженко А.А.** Археологические работы Донецкого государственного университета в Донбассе в 1981 г. / [А.А. Моруженко, В.А. Посредников, А.И. Привалов, Н.П. Зарайская]. – НА ИА НАНУ. – № 1981/132.
- Нечаева Л.Г.** О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – пер. пол. II тыс. н. э.) / Л.Г. Нечаева // Древнее жилище народов восточной Европы. – М.: Наука, 1975. – С. 7-49.
- Нидзельницкая Л.Ю.** Раннесредневековое поселение на территории Танаиса / Л.Ю. Нидзельницкая, С.М. Ильяшенко // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. – Вып. 2. – М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2007. – С. 193-214.
- Нидзельницкая Л.Ю.** Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону / Л.Ю. Нидзельницкая, А.А. Кулаков // Хазарские древности. – Вып. 1. – Аксай, 2013. – С. 7-49.
- Пархоменко О.В.** Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое / О.В. Пархоменко // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. (История и археология). – К.: Наук. думка, 1985. – С. 84-95.
- Паршина Е.А.** Гончарные центры Таврики VIII-X вв. / Е.А. Паршина, И.Б. Тесленко, С.М. Зеленко // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К.: Стилос, 2001. – С. 52-81.
- Плетнева С.А.** От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) / С.А. Плетнева // МИА. – 1967. – № 142. – 197 с.
- Плетнева С.А.** На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс) / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
- Пономарев Л.Ю.** Жилища салтово-маяцких поселений в окрестностях поселка Эльтиген (Керченский полуостров) / Л.Ю. Пономарев // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 9. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2012. – С. 65-98.
- Пономарев Л.Ю.** Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (Краткий обзор по археологическим данным) / Л.Ю. Пономарев // Хазарский альманах. – Т. 12. – Харьков, 2014. – С. 135-159.
- Флеров В.С.** Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры / В.С. Флеров // Плиска-Преслав. – Т. 2. – София, 1981. – С. 170-181.
- Флеров В.С.** Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы / В.С. Флеров. – М., 1996. – 100 с.
- Флеров В.С.** Лепные горшки, котлы и другие виды керамики как индикаторы салтово-маяцкой культуры / В.С. Флеров // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: матер. IV Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Серия “Донские древности”. – Азов, 2009. – Вып. 10. – С. 476-484.
- Швецов М.Л.** Два новых сельских могильника в Подонцовье / М.Л. Швецов, С.Н. Санжаров, А.В. Прынь // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. – С. 333-346.
- Якобсон А.Л.** Керамика и керамическое производство средневековой Таврики / А.Л. Якобсон. – Л.: Наука, 1979. – 163 с.
- Krasilnikov K.I.** Die Keramik des Saltovo-Majaki-kultur am nördlichen mittellauf des Donec / K.I. Krasilnikov // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer varianten. – Budapest, 1990. – S. 193-244.